

Веч. Москва, 1982, 29 апр, №99

Е. Васильев: Ну что ж, о сказочных спектаклях расскажу с удовольствием — сам их очень люблю. До сих пор помню, как родители вручили мне, тогда еще совсем маленькому, первые в жизни театральные билеты на сказку про Бабу-Ягу — костяную ногу. И я измучился в ожидании заветного дня, боялся, что заболею или что представление не состоится. Поход в театр был, пожалуй, самым большим праздником моего детства.

Да это и понятно: со сказки начинается для ребенка путешествие в страну Искусства, где маленького человека учат мечтать, фантазировать, любить и ненавидеть.

спектакле Кота Иван Михайлович Москвин, тоже еще в детстве запали в память.

«Синюю птицу» мальчишкой смотрел много раз, благо, родители были заняты и позволяли мне свободное время проводить в театре. Впечатление сказка оставляла громадное! Да и сегодняшние малыши принимают ее восторженно. Сужу об этом, как отец двоих детей, для которых «Синяя птица» тоже стала одним из самых ярких впечатлений. И, конечно, как актер, выступающий в этом спектакле двадцать семь лет.

В чем же секрет долговечности мхатовской сказки? Ведь идет она на сцене семь-

ления. Если же что-то подобное присутствует в ином сказочном спектакле, ребята громко начинают выяснять: «Кто это? Кто это?». И не хотят верить, что «это» — Баба-Яга, или что «это» — дерево. Выходит, что театр «выстрелил» тут холостую.

И вместе с тем именно ребенок — самый замечательный зритель. Он бесхитроушен, полон непосредственности: готов, к примеру, тут же вскочить с места и прийти на помощь Красной Шапочке или доброму доктору Айболиту — ведь для него они настоящие, живые.

Помню, как-то я привел за кулисы свою маленькую дочку. И она, увидев в пример-

ется на фоне черного бархата и «заставляет» передвигаться часы, тарелки или, к примеру, призраки из царства Ночи.

Потом стал играть Пса. И должен был не просто играть, а проживать все моменты существования героя: как он пробуждается, как постепенно понимает, что может не только лаять и рычать, а произносить человеческие слова. Когда уже к концу спектакля Тильтиль и Митиль прощаются с друзьями, мой Пес плачет. И ребята из зала нередко ухитряются подкрадываться к сцене и шептать мне: «Собачка, не надо, не плачь!», суют в «лапу» мандарин или конфету.

А ведь воспитать в ребенке способность сострадать тоже важно. Но необходимо, чтобы малыш тебе верил.

Е. Васильев: Ну, без этого актер детского театра просто немыслим. Я в ТЮЗе работаю почти сорок лет, переиграл, кажется, всех существующих в сказках зверей. И как режиссер, ставлю только сказки. И все больше убеждаюсь: чтобы ребенок поверил нам, нужно, чтобы и мы ему поверили, отнеслись к юному зрителю с уважением, любовью, ни в коем случае не пичкали его недоброкачественной духовной пищей. Это относится ко всем создателям спектакля, но в первую очередь к драматургам.

Как тут не вспомнить прекрасные сказки Е. Шварца, в которых четкая мысль прослеживается через великолепно выписанные характеры. А каким успехом пользуются у юных зрителей сценические версии пушкинских сказок или ершовского «Конька-Горбунка»! И разве можно представить репертуар детского театра без пьес С. Маршала, С. Михалкова, В. Коростелева?

И. Тарханов: Да и без «Трех толстяков» Ю. Олеши в нашем разговоре тоже не обойтись. Помню хорошо мхатовскую премьеру этой пьесы: сам играл в ней оружейника Просперо. С тех пор немало лет прошло, а ребята по-прежнему смотрят спектакль с удовольствием. И не только ребята: для взрослых удачная театральная сказка — удовольствие не меньшее, да и малыша своего они в такие минуты словно заново узнают.

Так что, дорогие родители, почаще приходите в театр на сказки вместе с детьми: не пожалеете! Тем более что сам театр по существу — та же сказка, способная перенести нас и в прошлое, и в будущее, и в не известные нам страны, города. Сказка, способная поведать нам многое о жизни, о людях, о нас самих. И готовиться к ее постижению следует еще в детстве.

Вечерние беседы: встречи с прекрасным

ПРИХОДИТЕ НА СКАЗКУ!

«Мы с мужем вырастили двоих детей, теперь воспитываем внучат. Наша семья очень любит театр. Знакомство с ним для каждого из нас в свое время начина-

лось со спектаклей-сказок. Хотелось бы, чтобы об этих представлениях рассказали их создатели — актеры и режиссеры.

С. Морозова, бухгалтер».

На письмо редакция попросила ответить заслуженных артистов РСФСР — актера и режиссера Театра юного зрителя

Евгения Николаевича ВАСИЛЬЕВА

и актера МХАТа СССР имени М. Горького

Ивана Михайловича ТАРХАНОВА

Е. ВАСИЛЬЕВ

И. ТАРХАНОВ

радоваться и огорчаться. Словом, учат познанию жизни. Не случайно еще Александр Сергеевич Пушкин называл сказки первыми играми человеческого духа.

Ну, а станет ли театральная сказка подлинным уроком нравственности для малыша, это уж зависит от нас, взрослых.

И. Тарханов: Мне захотелось напомнить слова, с которыми обратился к мхатовцам Константин Сергеевич Станиславский, приступая к постановке сказки М. Метерлинка: «Пусть «Синяя птица» в нашем театре восхищает внучат и возбуждает серьезные мысли и глубокие чувства у их бабушек и дедушек».

Для меня самого-то все и началось с «Синей птицы». Это был первый спектакль, на который привели меня родители. И навсегда запомнил я Н. Хмелева в роли Огня, В. Бендину, игравшую мальчика Тильтиля. Роль Хлеба исполнял мой отец Михаил Михайлович Тарханов. Рассказы домашних о том, как играл в этом

десять четыре года, и число представлений уже перевалило за 2850! Прежде всего в том, что она учит человека познавать окружающий мир. В том, что ее метафоры и аллегории понятны детям. Какими серьезными, к примеру, становятся ребята в зале, когда видят призраки, спрятанные в царстве Ночи войны, и узнают, что они теперь более опасны и сильнее, чем прежде. Ну и, конечно, секрет — в волшебстве самого спектакля, в декорациях В. Егорова, музыке И. Саца.

Е. Васильев: И ведь заметьте, для юных зрителей все происходящее в «Синей птице» вполне реально, как реальные те же хлеб, сахар, вода, огонь, без которых немислима наша жизнь. В знаменитом мхатовском спектакле вещи волшебные становятся понятными и узнаваемыми — и это прекрасно!

Дети не приемлют вычурности, режиссерской эквилибристики, надуманности и запутанности сюжетных ходов, доходившей до примитивизма условности оформ-

ной актера в costume Бабы-Яги, сказала: «Папа, здесь немножечко так тесно стало, я лучше уйду». И какая же достоверность требуется от нас, актеров, чтобы этот огонек веры не затушить навароком.

А ведь случается порой, особенно во «взрослых» театрах, что к сказочным представлениям актеры относятся, как к чему-то второсортному, к своего рода обязательной нагрузке. Дескать, основной спектакль у меня вечером, а уж днем как-нибудь! Отсюда небрежность, неряшливость исполнения.

И. Тарханов: Позвольте тут с вами не согласиться. Такие случаи, как мне представляется, — редкое и досадное исключение из правила. Без мастерства актеру в сказке приходится особенно трудно, так что детские спектакли — школа не только для зрителей, но и для самих участников.

Помню, как начинал выступать в той же «Синей птице» в качестве «черного человека». Того, кто вместе с товарищами, тоже одетыми в черное, невидимо появля-